

А. Е. Конверский перечисляет как вытекающие из квадрата противоположностей: «Если действие обязательное, то оно разрешенное» (это означает, что нет действий обязательных, но не разрешенных), «Если действие запрещено, то оно не обязательно» (нет запрещенных обязательных), «Никакое действие не является обязательным и запрещенным одновременно», «Любое (нормативно оцениваемое – Н. Ж.) действие либо обязательное, либо необязательное», «Любое действие либо разрешено, либо запрещено», «Если действие запрещено, то оно не разрешено», «Если действие разрешено, то не запрещено», «Все, что не запрещено, то разрешено».[1, с. 364].

Поскольку говорить об отношении логического следования между понятиями не принято, то оговорим, что универсум нормативно оцениваемых действий на диаграммах – это то же, что указание случаев, характеризующихся поступками, о которых высказываются суждения. Союз «если..., то...» и родственные ему «следовательно» и др. определяются именно как отношения множеств случаев, характеризующихся суждениями. Соответственно «Если A , то B » истинно, если нет случаев, в которых A есть, а B нет.

Приведенные выше диаграммы могут быть первым шагом к построению изобразительной практической деонтической логики, реально полезной для юристов.

Литература:

1. Конверский А. Е. Логика традиционная и современная. Учебное пособие [Текст] / А. Е. Конверский. – М.: Идея-Пресс, 2010.
2. Жалдак Н. Н. Изобразительная практическая логика естественного языка науки. – М.: Российское философское общество, 2006.

*Зархина С. Э.,
доцент кафедры логики НЮУ им. Ярослава Мудрого,
г. Харьков*

Генристическая юрислингвистика как один из методов исследования конфликтных текстов (на примере аргю)

Исследования последнего времени (как отечественные, так и зарубежные) показывают, что целые направления не только филологической, но и юридико-философской мысли так или иначе возвращаются к рассмотрению феномена языка – то как уникальной знаковой системы, влияющей на все остальные знаковые системы, используемые человечеством, то как средства, моделирующего и определяющего законы человеческого мышления, то как формы хранения национальной культуры, то как средства определения этнической принадлежности и самоопределения народов. В той или иной степени проблемы языка, его состояния и развития связываются с проблемами состояния и развития общества и права, что и определяет актуальность его исследования. При анализе конфликтных текстов следует обращаться к генристической юрислингвистике (жанровой характеристике текста), поскольку в процессе общения говорящий/пишущий намеренно выбирает ту или иную

жанровую форму для реализации своего коммуникативного намерения, руководствуясь определенным мотивом, который является первой инстанцией в порождении речи и последней инстанцией в обратном процессе – процессе восприятия и понимания высказывания, ибо мы понимаем не речь и даже не замысел, а то, ради чего выражает наш собеседник ту или иную мысль, т. е. мотив. В данном случае мы опирались также на известные идеи, высказанные Дж. Остином [Остин, 1999]. «Если бы язык был чем-то внешним по отношению к человеку, то трудно было бы объяснить всю остроту и решительность выступлений в его защиту. Именно природой языка, не сводимой к рациональности и системности, предопределена необычная и труднообъяснимая эмоциональность в дискуссиях о статусе языка: язык в своей основе и сути — иррационален и онтологичен, это не только средство коммуникации, это форма человеческого бытия» [Кораблев А. А. С. 5].

Криминализация сознания украинского лингвокультурного сообщества, начавшаяся в 90-х годах, привела к активному вторжению в речь арго, слов, принадлежащих специфическому социальному жаргону преступного сообщества. Такие лексические единицы, как *наезд*, *беспредел*, *мочить*, *разборка*, *кинуть*, *подстава* и т. п., постоянно встречаются в речи представителей политического истеблишмента и журналистов. Этот особый социальный диалект отражает весьма специфический взгляд на мир. Конечно, мы далеки от того, чтобы утверждать, что человек, использующий в своей речи арго, немедленно проникается криминальной психологией. Однако засилье криминального жаргона, с помощью которого в средствах массовой информации описывается не только преступная среда, но и официальная политика и экономика, сигнализирует о серьезной проблеме, вставшей за годы постсоветских политических и экономических реформ – и это проблема не только морально-этического, но и юридико-лингвистического характера. Путем уподобления политико-экономических реалий и лидеров криминальному миру, создается специфическая криминальная картина мира, описываемая с помощью обширной совокупности метафорических выражений («крыша», «разборки», «наезды» и проч.) и представляющая собой влиятельный фрагмент целостной картины мира.

Не голосуй «по понятиям» (Время МН, 1999, № 48, 14-20 декабря).

Мотавшая сроки братва формировала за решеткой альтернативную ... *Большим зекам со стажем регулярно делают небольшую прибавку к пенсии* (Мегаполис-Экспресс, 16.06.1999. «Тайны бандитской власти»).

Шухер, ребята, проверка! (Московский комсомолец, 11.11.2000. «От добра мента не ищут»).

Красноярские зеки обули сибирского наместника (Новые известия, 20.06.2000. «Вот и приехал барин»).

Воровской общак Паши Цируля (Московский комсомолец, 18.07.1999). [Клушина Н. И. С. 107].

Арго носит корпоративно-замкнутый характер во всех нормативно ориентированных текстах, независимо от их конкретных функционально-стилистических особенностей. Арго и прежде встречался в газетах и журналах,

но всегда использовался в публикациях тематически обращенных к изображению специфики бытия определенной социальной прослойки. Однако в настоящее время слова из жаргонов уголовников, картежников, наркоманов используются в текстах на любую тематику. Применение подобной лексики в средствах массовой информации обеспечивает именование специфических для данной речевой общности реалий, не имеющих нейтральных в стилистическом отношении общепринятых обозначений, и, с другой стороны, характеризует представленную социальную среду с точки зрения особенностей ее существования. Следует отметить, что СМИ «легализуют» подобную лексику, делают ее привычной, внушая мысль о приемлемости таких способов выражения.

Язык оказывает сильнейшее влияние на сознание, определяет его специфику. СМИ и реклама – наиболее мощные проводящие фильтры, использующие язык в качестве своего инструмента. И в настоящее время именно этот язык, язык современных СМИ, «организует» сознание читателей. Жаргонизации сознания активно способствуют рекламные каламбуры:

Мебельный магазин «Мебельград». Обставим всех!

Казино «Шангри-ла» – вас ждет здесь свежая зелень круглый год!» [Клушина Н. И. С. 107].

Легкость и частота, с которой журналисты используют такого рода выражения, легализует их, убеждает читателя, что именно так и следует говорить. Авторитет СМИ в этом отношении построен не на правильности, нормативности используемых средств, а на повышенной действенности, влиятельности и непрерывности воздействия.

По мнению М. А. Грачева, «вместе с уголовной лексикой в наше сознание передается и уголовная мораль», потому что «арготизмы, которые подменяют “законопослушные” слова, заставляют молодого человека мыслить преступными категориями» [Грачев М. А. С. 71.].

Сходную мысль высказывает О. Б. Трубина: «Жаргон часто является выразителем особой, вульгарной и даже уголовной идеологии. Вместе с жаргонным словом входит в нашу жизнь понятие, недостойное того, чтобы получить право на существование. Огрубляется, становится примитивным не только язык, но и мировоззрение говорящего» [Трубина О. Б. С. 121].

Уголовный жаргон (правильнее это явление называть «арго») – социальный диалект, развившийся в среде, как правило, преступников, представляет собой систему терминов и выражений, призванных изначально идентифицировать участников преступного сообщества как обособленную часть социума, противопоставляющую себя законопослушному обществу. Использование специальных терминов и выражений также имеет цель затруднить понимание смысла беседы или общения непосвященными. Арго, как правило, отражает внутреннюю иерархию преступного мира, закрепляя наиболее обидные и оскорбительные слова, клички и т. д. за теми, кто находятся на самой низкой ступени иерархии, а самые уважительные слова и выражения – за теми, кто имеет наибольшую власть и влияние.

Уголовная среда ещё в XIX веке (а возможно, и ранее) переняла аргю, первоначально использовавшееся бродячими торговцами офенями (отсюда и происходит слово «феня»). Украинский воровской жаргон включает также слова из идиш, русского и других языков.

В современной юрислингвистике «блатная феня» иногда отождествляется с воровским жаргоном и большинством специалистов рассматривается как социальный диалект. Согласно официальной трактовке представляет собой систему терминов и выражений, призванных идентифицировать участников преступного сообщества как обособленную часть социума, противопоставляющую себя законопослушному обществу. На самом же деле «блатная феня» как лингвистическое явление теснейшим образом связана с так называемым блатным миром и является, по сути, его официальным языком. Ее изначальное родство с воровским жаргоном отнюдь не означает тождественности, хотя в результате «феня» практически вытеснила этот самый жаргон из целого ряда сфер применения. Ошибочное толкование явления возникает вследствие того, что общеупотребительное слово «вор» имеет несколько иное значение в блатном мире – здесь под ним понимается исключительно «вор в законе» или, как минимум, человек, принимающий воровской закон. Соответственно речь не идет огульно обо всех «участниках преступного сообщества», и «противопоставляющих себя законопослушному обществу». Дело в том, что блатной мир Украины и близлежащих стран, входивших некогда в состав Российской империи, сформировался как совершенно специфическое надэтническое и в значительной степени внесоциальное явление со своими собственными традициями, укладом жизни и «воровским законом». Совершенно естественно, что в ходе этого процесса выработался и свой собственный «блатной» диалект, по целому ряду признаков уже сейчас имеющий полное право на признание, подобно идишу, как самостоятельный язык.

До революции аргю развивалось совершенно независимо от разговорного языка не связанной с преступным миром части общества; в художественной литературе арготическая и другая жаргонная лексика употреблялась почти исключительно для речевой характеристики отдельных персонажей. В 1920-е годы в связи с резким повышением социальной мобильности населения языковая норма дестабилизируется, повседневный язык пронизывается словами уголовного происхождения, часть их прочно закрепляется в разговорном стиле и скоро их происхождение перестает осознаваться: барахло, по блату, липовый (в значении «ненастоящий») и др. В 1930-е годы в связи с усилением официального контроля за письменными текстами, они становятся более нормативными, но устная речь, в первую очередь молодежный, армейский и другие профессиональные жаргоны, благодаря постоянным массовым контактам представителей всех слоев общества с пенитенциарной системой, находятся под заметным воздействием аргю. Арготическая лексика широко используется в неподцензурной художественной литературе.

У И. Бродского: «Челюсть с фиксой золотою блещет вечной мерзлотою»; «В этих шкарах ты как янки».

С отменой цензуры в постсоветское время существенно арготизируется язык всех видов письменных текстов, средств массовой информации и публичных выступлений. Политик характеризует своего вполне интеллигентного оппонента фразой «Пахан никогда не будет бороться со своей малиной» (Зюганов о Чубайсе), российский президент предлагает обществу «жить по законам, а не по понятиям», «мочить в туалете» противников, рассказывает анекдоты с использованием арго: «ЦК – цыкает, ЧК чикает», высказывается соответственно на арго «хотят закопать человека – отправляют на сельское хозяйство», «шило в стенку и на боковую залечь», президент Белоруссии осуждает гомосексуализм, называя лиц и явление «голубятней» и т. п. [8]. Таким образом, в повседневную языковую практику широких слоев населения арготизмы проникают уже не только «снизу», но и «сверху» – из языка политиков и журналистов.

Заимствования из арго могут заметно менять значения. Например, «опустить» (на арго – «придать максимально низкий социальный статус путем гомосексуального насилия») в речи современных журналистов и политиков означает «поставить на место, унижить». «Гопник» (с XIX века на арго – «оборванец», затем – «грабитель»). Слово в современном молодежном жаргоне приобретает в качестве основного значение «малокультурный агрессивный подросток». При перенесении уголовной фразеологии в разговорный вариант общего языка часто утрачивается внутренняя форма. Например: «дать на лапу» – «дать взятку» (на арго «дать лапу», где само слово «лапа» имеет значение «взятка»); без балды – «всерьез, без обмана» (на арго «без булды», где булда, ранее бульда, имеет значение «педерастия»); голый Вася – «пусто, безнадежно» (на арго «голый вассер», значение то же).

Имеется устоявшееся мнение, что основной и чуть ли не единственной причиной возникновения и существования арго является потребность в утаивании содержания разговора. Однако «секретность» арго относительна: те, кто борется с преступностью, как правило, владеют этим языком вполне хорошо, а идея тайно договариваться на арго в присутствии предполагаемой жертвы преступления выглядит, по меньшей мере, странно. Для этой цели в рамках конкретных преступных сообществ создаются разовые коды с использованием только обычных слова, которым придаются особые тайные значения, причем так, чтобы для постороннего слушателя речь не казалась странной и имела бы свой обычный смысл, складывающийся из нормативных лексических значений.

«Скрытность» же языка арго чаще нарочитая, показная, рассчитанная в первую очередь на удовлетворение групповой идентичности, противопоставления «своих» и «не своих».

На арго существует множество слов, которые в силу незначительного отличия от нормативных никак не могут претендовать на секретность: «больничка» – «больница, любое медицинское учреждение», «поджениться» – «завести сожительницу». Другие слова, внешне не отличимые от нормативных, имеют на арго лишь нерелевантные для рядового носителя языка отличия в семантике. На арго слово «люди» обозначает лишь тех, кто соблюдает

воровской закон; если, входя в камеру, «вор» – тот, кто имеет признаваемый в уголовном мире ранг «вора в законе», спрашивает: «Люди есть?», – он имеет в виду принадлежащих к уголовному миру.

Еще одна причина существования арго – потребность в удовлетворении экспрессии; в связи с этим многие словарные единицы заменяются на арго относительно часто, другие, эмоционально менее окрашенные, остаются неизменными на протяжении столетий.

Д. С. Лихачев, имевший возможность детально ознакомиться с реальным функционированием арго в местах заключения, отмечает еще одну важную причину возникновения и существования арго. Особенностью воровского мышления является наличие «элементов магического отношения к миру». Таким образом, первобытно-магическое восприятие сказывается и на отношении к языку: «неудачно, невовремя сказанное слово может навлечь несчастье, провалить начатое дело». В связи с этим в преступном мире обычные слова заменяются арготическими, а также существует ряд табуированных тем, о которых не принято говорить даже на арго. В этом отношении арго напоминает жаргонную и профессиональную речь охотников, военных и лиц, связанных с риском профессий.

Восприняв многое из лексико-фразеологического арсенала дореволюционного воровского арго, тюремно-лагерный жаргон значительно расширил не только набор выразительных средств, но и социальный состав тех, кто им пользовался. С арго знакомы, его активно употребляют как «воры в законе», «домушники», «медвежатники», «скокари», «щипачи» и прочие представители уголовного мира, так и инженеры, госслужащие, военные, студенты, актеры, журналисты, поэты, крестьяне, врачи. Одним словом, все те, кто составлял многомиллионное население сталинских лагерей.

В современных условиях тюремно-лагерный жаргон, к сожалению, находит себе новую «среду обитания». Им пользуются, например, бизнесмены, журналисты, юристы, политики. Арго модифицируется, пополняясь новообразованиями и изменяя значения традиционно используемых лексических единиц: например, напарить – «обмануть», капуста – «деньги» (первоначально только о долларах – из-за их зеленого цвета), поставить на счетчик – «начать ежедневно увеличивать проценты от неуплаченного вовремя долга» и т. п. Арго в некоторых случаях обуславливает лингвоправовые конфликты с использованием медийного текста, вызывает негативные эмоциональные и психологические состояния коммуникативных партнеров, ведет к коммуникативной неудаче. Не всякая коммуникативная неудача ведет к речевому конфликту, который имеет место тогда, когда одна из сторон сознательно и активно совершает речевые действия, которые выражаются негативными средствами языка, в том числе с использованием речевого жанра арго.

Жаргонные слова и обороты далеко не редкость и в литературной речи. Сначала это процесс проявлялся, главным образом, в устно-разговорной ее разновидности. В наши дни – в языке средств массовой информации, в публицистике, в выступлениях политиков, депутатов, журналистов, юристов и

даже писателей. Например, слова «стукач», «крутой», «тусовка» отмечены в речи образцовых носителей литературного языка. Многие из жаргонных элементов утрачивают свою социальную закрепленность, становятся хорошо известными в разных социальных группах носителей литературного языка. Например, фразеологизм «сесть на иглу», попадая из речи наркоманов на страницы газет, «обрастает» производными: «Область села на дотационную иглу»; «Нельзя все время сидеть на игле инвестиций и т. п.». Глагол «опустить», имеющий в тюремно-лагерном жаргоне значение «подвергнуть мужчину сексуальному насилию, тем самым унизив его», в литературной речи может применяться к другим ситуациям, приобретая переносный смысл: «Думу не распустили, а опустили». Столь значительное и разнообразное влияние социальных жаргонов на литературный язык дает основание ряду исследователей говорить о начале формирования так называемого общего жаргона – языкового образования, которое не просто занимает промежуточное положение между собственно жаргонами (скажем, тюремно-лагерным, воровским, нищенским), с одной стороны, и литературным языком, с другой, но и активно используется носителями литературного языка в неофициальной обстановке.

Заметим, что понятие общего жаргона (арго, сленга) давно используется лингвистами при изучении других современных языков: французского, американского варианта английского языка. По-видимому, формирование подобных промежуточных коммуникативных средств в общей системе национального языка – тенденция, свойственная развитию многих современных обществ. Влияние на литературную речь некодифицированных сфер языка – просторечия, социальных и профессиональных жаргонов – наблюдается не только в лексике и фразеологии, но и, например, в словоизменении, синтаксисе.

Арго однозначно является маркером в речи современного человека, когда употребляются особо экспрессивные слова и выражения, характерные для речи некодифицированной. (Например, шалава, мент, мажор и др.). С другой стороны, некоторые элементы арго уже настолько вошли в повседневную речь, что мало кто отличит их от нормированных в употреблении слов. Например, когда говорят, «свои пришли» (в ситуации, если спрашивается, кто за дверью), не каждый подумает о неграмотности человека, такое сказавшее. Ведь местоимение «свой» в данном случае уже почти утратило свои местоименный характер: его можно считать просто именем, коллективным наименованием определенной социальной группы, которую носители арго называли бы совокупностью лиц темных профессий.

Наличие просторечий и арго является маркером устной речи вообще, а значит в разговоре, чаще в неофициальной обстановке, в социально-бытовой сфере их употребление, к сожалению, допускается. А вот в официальной, особенно письменной речи есть недопустимым.

Некоторые оригинальные лексемы из словарного запаса арго с рабочей гипотезой о происхождении данной лексемы проиллюстрируют интенсивность проникновения инвективной лексики в современный литературный язык.

Братва

– ивр. «брит», букв. «священный союз», объединение круга лиц ради определенной цели, скрепленное клятвой (воровской). Слово первоначально обозначало членов одной банды, в настоящее время обычно обозначает бандитов вообще. Отсюда же и обращение «брат» в общении «блатных» между собой. Отсюда же и слово «братан», изначально обозначавшее младшего по возрасту и опыту участника банды, слово образовано аналогично слову «пацан» (от «поц» с тем же суффиксом).

Бугор

– ивр. «богер», букв. «взрослый», «достигший совершеннолетия», ранее обозначало взрослого человека – лидера шайки уличной «шпаны», в настоящее время – «авторитет» в компании блатных или в камере.

Кипеж, кипеш = хипеш

– ивр. «хипус», букв. «обыск, поиски».

– обозначает обыск, иносказательно – панику.

Кореш

– ивр. «корэв», букв. «родственник», малоросский диалектизм «корэш». Изначально слово обозначало вообще человека, которому другое лицо обязано оказывать помощь и содействие вне зависимости от наличия «блата». В настоящее время используется в значении «друг», «подельник». Отсюда же форма «корешан» и глаголы «корешиться» и «корешаниться».

Лох

– ид. «лох», букв. «дырка», слово служило для обозначения факта потери денег, используется в значении потенциальная жертва преступления, потерпевший, изредка употребляется в значении «не блатной».

Мажор

– ид. «мажор», средневековая калька вероятно с французского. Обозначало вообще всяческую успешность в жизни. Сейчас внешне успешный человек, не имеющий прямого отношения к блатному миру, иногда – потенциальный «лох». Ранее коррелировало с термином «фраер».

Мент

– ид. «мент», букв. «накидка», калька с венгерского. Первоначально использовалось для обозначения любых государственных служащих в Австрии и России, носивших характерные форменные плащи-накидки, не встречавшиеся у жителей местечек. По плащу было легко опознать чужого. В настоящее время слово используется для обозначения вообще сотрудников правоохранительных органов.

Мусор

– ивр. «мосер», букв. «предатель». Малоросский диалектизм – «мусер». Слово обозначало полицейских осведомителей. В настоящее время употребляется исключительно в значении «сотрудник правоохранительных органов», ранее обычно имелся ввиду «стукач», «провокатор, внедренный в банду».

Стрем

– ивр. «штра маэр», букв. «тот, кто предупреждает».

– слово для обозначения тревожных обстоятельств. Отсюда же идиома «стоять на стреме».

Халява

– ивр. «халав», букв. «молоко». В западных губерниях России существовала форма сбора средств для единоверцев – «дмей халав» – буквально, «деньги на молоко». Зачастую сбор осуществлялся лицом, имевшим соответствующий «блат», разрешавший сбор, и нередко этим же лицом собранное и присваивалось. Отсюда саркастическая русская форма – «детискама на молочишко». То, что достается задаром или же может быть безнаказанно присвоено.

Хана – ивр. «хана», букв. «остановка, привал», иносказательно – «конец пути», «смерть». Значение слова не изменилось до настоящего времени, есть основания полагать, что оно уже вошло в общую лексику.

Шпана

– ид. «шпаннен», букв. «напрягать».

– только мн. ч., группировка молодежи с уголовными наклонностями, одновременно принадлежность к данной социальной категории. Первоначально слово обозначало группы молодых людей, слонявшихся по улице и пытавшихся словесно «напрягать» прохожих отдать им деньги или ценности.

Шухер

– ид. «шухма», букв. «потасовка», «ссора». Соответственно «шухмен» – «кричать» (одно из значений), «шухен» – «пугать», «прогонять». Ранее слово использовалось в значении, идентичном исходному, в настоящее время – для обозначения опасности, неких тревожных обстоятельств.

В предисловии к последнему изданию «Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под редакцией Г. Н. Складневской (2006) указано: «К началу XXI века можно говорить если не о заметной стабилизации лексической системы русского языка, то, во всяком случае, об обретении ею равновесия: сейчас мы наблюдаем уже не столь бурные и вихреобразные языковые явления, какие происходили в 90-х годах минувшего века, а скорее интенсивное развитие двух разнонаправленных процессов: «онаучивание» языка, проявляющееся в освоении общим языком терминологии, и потоки иностранных заимствований, с одной стороны, и встречное движение **жаргонизации** (выделено Зархиной С.Э.) языка – с другой».

Генристическая юрислингвистика (в рамках анализа конфликтного текста) намечает новые пути изучения языковой личности говорящего/пишущего как участника конфликта, его интенций, внутреннего психологического настроения и пр. с целью определения функциональной нагрузки конфликтного дискурса, а также описания как речевого поведения адресанта, так и прогнозируемой им реакции аудитории. Мы считаем, что жанроведческий анализ текста учитывает скрытое психолого-речевое взаимодействие участников конфликтной коммуникации и напрямую связано с проблемой «диалогичности» бытия (как это понимал М. М. Бахтин). Исходя из этого важнейшей категорией генристической юрислингвистики становится

речевой жанр, понимаемый в его целостно-объединительной функции и позволяющий выявить сложную мозаику коммуникативных смыслов описываемого юридического случая с учетом их конфликтогенности.

Список литературы:

1. Грачев М. А. В погоне за эффектом (Блатные слова на газетной полосе) // Русская речь, - 2001,- № 5.- С. 71.
2. Клушина Н. И. Этические границы языковой игры // Журналистика и культура русской речи.- М., 2002. -№ 2.- С. 107.
3. Кораблев А. А. Статус родного языка // Информационный бюллетень УАПРЯЛ. Вып. 14. Харьков, 2006.- С. 5.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
5. Остин Дж. Избранное. М., 1999. – 332с.
6. Трубина О. Б. Ох – когда трудно, и ах – когда чудно // Русская речь.- М.: 1993, № 1.- С. 1211.
7. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2006. – С. 5-6.
8. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007, – С. 7-39.
9. Яковлева Е. А. Жанроведение, или генристическая лингвистика, как один из методов исследования конфликтных текстов // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. – Барнаул-Кемерово, 2010. – С. 262-272.
10. <http://eslovník.com/>
11. <http://www.youtube.com/watch?v=Eg3O7q3lKEA>.

*Ипатова И. С.,
зав. кафедрой языкознания и иностранных языков
Приволжского филиала Российской академии правосудия,
г. Нижний Новгород*

Судебные речи: театр судебных действий

«Искусство речи, по моему глубокому убеждению, далеко не пользуется у нас должным вниманием, и в последние годы создалось какое-то нелепое обыкновение смотреть на него как на нечто второстепенное в судебной деятельности. Но факты остаются фактами, и в большинстве случаев лучший оратор бывает и лучшим адвокатом, то есть ведет дело с большим успехом», – отмечал в своей книге «Школа адвокатуры», опубликованной в Великобритании во второй половине XIX века, Рихард Гаррис. В начале XX столетия эту книгу перевел известный российский адвокат П. С. Пороховщиков (П. Сергеич), видимо, разделявший мнение автора. В начале XXI века мы продолжаем подчеркивать актуальность этого заявления.

Однажды профессор Екатеринбургского государственного театрального института Л. Л. Монтау заметил, что судебное заседание – это «зрелищное действие с элементами театральности». Оно «разыгрывается и действует в предлагаемых обстоятельствах. С тем самым малым кругом внимания, который происходит внутри процесса, большим, за пределами процесса. <...> Судебное